

вует в больших походах русских князей на половцев, в 1114 или 1116 г. умирает³⁴.

Важнейшие дополнения к этому рассказу содержит одна из редакций «Хождения игумена Даниила», называющая среди основных русских князей начала XII в. некоего Андрея-Мстислава Всеволодовича, который может быть отождествлен только с «Мстиславом Игоревым внуком». Анализ разночтений разных списков «Хождения» позволяет установить, что сведения об Андрее-Мстиславе восходят в протограф повести. В специальной статье мы пытались доказать, что очередность князей в рассказе игумена Даниила соответствует их иерархическому старшинству, а Андрей-Мстислав, помещенный там между черниговским и новгородским князьями, должен быть признан княжившим в начале XII в. (но не ранее 1102 г.) в Смоленске на основании своих вотчинных прав, принципиально провозглашенных на княжеских съездах рубежа XI—XII вв.³⁵

Таким образом, имеется полное соответствие имен владельца белгородской печати и внука Игоря Ярославича — Мстислава-Андрея Всеволодовича — предполагаемого смоленского князя начала XII в. Подчеркивая гипотетичность такой атрибуции, напомним, что возможности Мстислава Иязславича (1069 г.) и Мстислава Святополковича (1097 г.) претендовать на владение этой буллой предложенным решением не отвергнуты: ведь каждый из них, поскольку мы пока не знаем их христианских имен, мог в крещении называться Андреем.

Впрочем, не исключена и еще одна возможная атрибуция, хотя она и маловероятна. Мы уже видели, что иногда патрональное изображение буллы может не совпадать с именем ее владельца, отражая иерархические взаимоотношения феодалов разных рангов. На печати княгини Марии помещено изображение не ее патронессы, а патрона ее мужа. Можно предположить, что белгородская печать была привешена к документу от имени новгородского князя Мстислава-Феодора Владимировича между 1088 и 1093 гг., когда он по существу был наместником киевского князя Всеволода-Андрея Ярославича. Однако этому противоречат как отсутствие прямых аналогий подобному сфрагистическому обычаю, так и титулование владельца печати «великим князем», малоуместное в случае, когда оформлением буллы выражена идея иерархического соподчинения.

Мы сознательно предложили несколько вариантов возможного решения проблемы, чтобы сделать более наглядным основной вывод: при любой из возможных атрибуций белгородская печать датируется временем не раньше последней трети XI в.

Печать князя Георгия. Уже более полувека исследователям хорошо известна булла с поясным изображением св. Георгия и греческой надписью: + K[α] [ύ]ρι[ς] β[α] [σ]ι [λ]λα [τ] [α] [φ] σ[φ] δ[ο] [ύ]λ[φ] Γεοργ[ι] [α] ρ[χ] [ου]ν[τ]ι, т. е. «Господи, помози рабу своему Георгию, архонту» (№ 24).

Небрежность исполнения этой печати и многочисленные орфографические неправильности выводят ее за пределы византийской сфрагистики, а место находки (быв. Черниговская губ.) включает в круг русских памятников, хотя прямое указание на Русь в надписи буллы нет. Выводы о принадлежности печати сделали Н. И. Петров, который считал ее владельцем Юрия Владимировича Долгорукого³⁶, и Н. П. Лихачев, датировавший буллу временем Ярослава Мудрого³⁷. И тот, и другой князя, как это хорошо известно из летописи, в крещении назывались Георгиями. В поисках владельца печати оба исследователя, во времена которых еще не были известны разобранные выше буллы «архонтов России», исходили из уверенности, что «архонтом» мог называться только киевский князь. Крестильные имена киевских князей XI — первой половины XII в. почти все известны, и среди них нет других Георгиев, кроме названных Н. И. Петровым и Н. П. Лихачевым.

Прежде чем высказаться по существу атрибуции, попытаемся оценить обе гипотезы, коль скоро эти хронологические решения расходятся между собой на несколько десятилетий. Предложение Н. П. Лихачева выгодно отличается тем, что оно основано на определенных аргументах. Исследователь отметил большое композиционное сходство между изображением св. Георгия на печати и аналогичным изображением на сребрениках Ярослава Мудрого, так называемом «Ярославле серебре»; это сходство распространяется и на компоновку колончатых надписей.

Подмеченное Н. П. Лихачевым сходство, однако, вряд ли следует преувеличивать. Общность большинства деталей изображения св. Георгия может быть объяснена наличием определен-

³⁴ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 272—273, 277, 282; т. II, стб. 284.

³⁵ В. Л. Янин. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила».

³⁶ Н. Петров. Южнорусские металлические вислые печати дотатарского периода. «Труды Киевской духовной академии», 1913, № 5, стр. 149, № 4.

³⁷ Н. П. Лихачев. Указ. соч., вып. 1, стр. 156.